

Шэнь Цин невольно поднял глаза. Лу Цзиньян глубоко улыбнулся ему, и эта улыбка мгновенно пробежала холодом по его спине. Что происходит? Шэнь Цин почувствовал, что в последнее время он стал просто слишком чувствительным и мнительным. Затем подали стейк, и он поспешил сосредоточить всё внимание на еде.

Закончив обед, он тут же почувствовал сонливость. За ними приехал водитель, и он вместе с Лу Цзиньяном вернулся домой. Продержавшись недолго, он не выдержал и снова ускользнул в свою комнату, чтобы вздремнуть.

Одеяло на кровати было очень мягким и пахло солнцем. Домашняя служанка была старательной, каждый день просушивала для него одеяло, и постель тоже стелила мягко, хорошо о нём заботясь. Поэтому каждый раз на этой мягкой большой кровати дома он спал особенно крепко.

Он натянул мягкое одеяло до шеи, с большим комфортом вдохнул тёплый запах, исходивший от него, и быстро заснул.

Пока его не разбудил звук под вечер.

Дверь была слегка приоткрыта. Шэнь Цин в пушистых тапочках осторожно подошёл и заглянул. В дальнем конце коридора в кабинете Лу Тяньмина горел свет. Он нерешительно подошёл туда. В кабинете сидели двое незнакомцев в костюмах. Лу Тяньмин сидел за письменным столом, а Лу Цзиньян — на стуле рядом с ним.

— В чём дело? — спросил он у господина Лю, который вносил в кабинет чай.

— Это юристы, обслуживающие конгломерат. Приехали обсудить с господином Лу соглашение о распределении наследства.

— Наследства!? — Шэнь Цин остолбенел. Он просто не мог понять. Лу Тяньмин ещё такой здоровый, в самом расцвете сил, какое ещё соглашение о наследстве? В его сердце тут же вспыхнула тревога.

— Шестьдесят процентов акций конгломерата по соглашению о распределении наследства передаются моему сыну Лу Цзиньяну, остальные сорок процентов акций — второму сыну Лу Хунжюю, — раздался спокойный и уверенный голос Лу Тяньмина. Шэнь Цин смотрел в щель двери: те два юриста быстро что-то записывали.

— Что касается распоряжения моими зарубежными активами, пятьдесят процентов принадлежат моей будущей законной супруге и двум детям, которые находятся в утробе, а пятьдесят процентов жертвуются в фонд конгломерата. Таково моё первоначальное решение.

— Тогда как будет осуществляться право наследования имущества в случае несчастного случая с одним из наследников? — осторожно поинтересовался один из юристов.

— Если один из наследников погибнет, то имущество, за исключением пожертвованного фонду, будет перераспределено между остальными здоровыми наследниками, — тон Лу Тяньмина оставался ровным и бесстрастным. — До достижения совершеннолетия моим вторым и младшими сыновьями их доли унаследованного имущества будут находиться под управлением старшего сына Лу Цзиньяна.

Шестьдесят процентов активов конгломерата... Шэнь Цин даже думать не хотел. Даже если это только шестьдесят процентов акций, Лу Цзиньян, которому чуть больше двадцати, легко станет

мультимиллионером. Он видел, как Лу Цзиньян, откинувшись на спинку дивана, спокойно слушал слова Лу Тяньмина, с начала до конца не высказывая никаких замечаний.

Шэнь Цин чувствовал сильное беспокойство. Он вернулся в постель, закрыл дверь комнаты, но больше не мог заснуть.

— С тобой что-то не так?

Наконец он дождался, когда Лу Тяньмин вернулся в комнату, и тут же бросился к нему с вопросом.

— С чего вдруг такие слова?

— Я слышал, как ты разговаривал с юристами о каком-то наследстве...

— А, — Лу Тяньмин не сдержал лёгкой улыбки. — Разве не разумно и нормально распорядиться будущим распределением имущества, пока голова ясная?

— Тебе не кажется, что это дурная примета? — угрюмо промолвил Шэнь Цин. Лу Тяньмин полулёг на кровать. Шэнь Цин прилёг рядом с ним и крепко прижался.

— Глупец. Это самый научный и разумный метод. Неужели нужно ждать, пока состаришься и глаза затуманятся, чтобы об этом задуматься? — Лу Тяньмин медленно погладил его по волосам. — Моё тело ещё в хорошем состоянии, по крайней мере, я смогу пробыть с тобой, пока ты ещё немного подрастёшь, пока малыш не станет взрослым...

— Не смей так говорить! — рассердился Шэнь Цин. — Мне всё равно! Если ты хочешь жениться на мне, то постарайся прожить подольше. Доживи до ста лет, я доживу до восьмидесяти, и умри ты только после того, как умру я.

— Что это ещё за деспотичные условия. Не волнуйся, я буду хорошо о себе заботиться.

— Меньше кури, меньше пей, больше двигайся. Ты же сам знаешь, что ни семья, ни конгломерат не могут без тебя обойтись, а говоришь такое, — ущипнул его Шэнь Цин.

— Как я посмею не послушать слов моей супруги? Успокойся, всё в порядке, давай спать.

— Я уже проспал весь день, — сказал Шэнь Цин.

— Ест и спит, но мяса не прибавляет. Неужели всё мясо достаётся малышу? — Лу Тяньмин потёр его щёки.

Они немного пошумели, после чего Шэнь Цин, вполне удовлетворённый, заснул, прижавшись к другому. Действительно, после появления малыша он очень легко становился голодным и сонным. Не зря Мика говорила ему, что когда самка беременна, самец должен часто находиться рядом и заботиться о ней.

Он проснулся среди ночи. Одеяло было хорошо укрыто. Он уже хотел протянуть руку, чтобы обнять Лу Тяньмина, но не нащупал того рядом и от испуга резко сел.

Лунный свет струился в комнату через панорамное окно. Он потёр сонные глаза. В комнате никого не было, дверь была плотно закрыта. Он босиком спустился с кровати, открыл дверь и одним взглядом увидел, что в ванной в боковом углу коридора горит свет.

Шэнь Цин на мгновение замер. Он инстинктивно приблизился к ванной и затем услышал сдержанный кашель. В щель двери он увидел, как Лу Тяньмин, крепко сжав брови, одной рукой опирался о стену ванной, словно скрывая огромную боль. Его лицо было смертельно бледным, и время от времени из горла вырывалось несколько непереносимых приступов кашля.

У Шэнь Цина мгновенно похолодели руки и ноги. Он увидел, как Лу Тяньмин, прислонившись к стене, достал из шкафчика под раковиной тот чёрный кожаный мешочек, вынул из него одноразовый шприц, набрал в него лекарство, а затем ловко и резко вогнал его в мускулистую руку.

Шэнь Цин стоял как вкопанный. Он смотрел на плотно сжатые брови Лу Тяньмина, его тяжёлое прерывистое дыхание и шприц, оставленный на тумбочке. Его сердце мучительно сжималось от боли. Опять приступ? — с некоторым страхом подумал он.

Хотя он и не хотел признавать, но, как и говорил Хэйтэн, симптомы у Лу Тяньмина проявлялись всё чаще.

Он невольно вспомнил слова, которые Лу Тяньмин говорил ему на острове Сирены. То, что искал Лу Тяньмин. Три ключа, сокрытые в морских глубинах, руины, хранящие, казалось бы, бесконечные богатства... Неужели в этих руинах могло быть что-то, способное вылечить Лу Тяньмина, и поэтому тот был так одержим?

Шэнь Цин прислонился к стене, украдкой вернулся в комнату. Его сердце разрывалось от боли, но в голове возникла ужасная догадка.

Почему эти ужасные симптомы проявлялись всё чаще?

Лу Тяньмин говорил ему, что все эти лекарства готовил Лу Цзиньян, и обезболивающий эффект у них был очень хороший.

Но... Он чувствовал, что у него просто нет оснований высказывать такие подлые сомнения, но... Он никогда не забудет тот мрачный, со смешинкой в глазах взгляд, который Лу Цзиньян однажды бросил на него.

Лу Цзиньян очень восхищался отцом, был чрезвычайно серьёзен и строг в работе, хорошим, мягким, очень воспитанным человеком, который всегда хорошо к нему относился. Когда он жил в доме, тот заботился о нём, как о члене семьи.

Кроме того случая. Кроме того случая...

Шэнь Цин снова услышал сильный кашель Лу Тяньмина. Он не выдержал, развернулся, толкнул дверь ванной и, обняв того сзади, сказал:

— С тобой всё в порядке, Тяньмин? Всё хорошо?

— Разбудил тебя? — равнодушно взглянул на него Лу Тяньмин и выпрямился у раковины.

— Тяньмин, не оставляй меня, — неожиданно для себя вырвалось у Шэнь Цина. Он крепко обхватил сзади его широкие плечи, поглаживая по спине, чтобы помочь отдышаться. Глаза слегка затуманились.

— Что за глупости ты говоришь, — обнял его Лу Тяньмин, сдержав несколько приступов кашля, и поцеловал в макушку.

Шэнь Цин почувствовал, как особенно ледяное предчувствие медленно поползло по его спине. Он обнял Лу Тяньмина, медленно поглаживая его по спине. Он впервые почувствовал, что ладонь, лежащая на его лопатке, была такой холодной. Хотя Лу Тяньмин ни словом не жаловался, он видел, что на его висках уже выступили капли сдержанного холодного пота.

— Хэйтэн, что это?

— Это портативная колонка. Если хочешь, можешь взять её в свою комнату.

— Хэйтэн, ты правда разрешаешь мне жить у тебя дома? Неплохое место. Транспортное сообщение удобное, поблизости много заведений, где можно поесть.

Лор потянулся, стоя на балконе изящного двухэтажного особняка в европейском стиле, наслаждаясь ночным бризом. Он поставил на подоконник маленькую колонку в форме пингвинёнка и с интересом изучал её. Его серебристые волосы, наполовину влажные, спадали на спину, на нём был лишь простой банный халат.

— Конечно, можешь жить сколько захочешь.

<http://bllate.org/book/15584/1392716>